

ИСТОРИЯ

УДК 94(3)

К ВОПРОСУ О РЕФОРМЕ УПРАВЛЕНИЯ В МАКЕДОНИИ III в. до н.э.

© 2013 г.

Н.Ю. Сивкина

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

natalia-sivkina@yandex.ru

Поступила в редакцию 14.06.2013

Анализируются особенности взаимоотношений царя Македонии, совета и армейского собрания в кризисные периоды конца III в. до н.э. Делается вывод, что изменения в политической жизни Македонии – возросшее число полисов, позиция провинциальной знати, влияние греческих традиций – требовали проведения реформы управления. Но такая реформа могла быть лишь результатом кризиса власти. Начало правления Антигона Досона – наиболее вероятный период проведения реформ.

Ключевые слова: эллинистическая Македония, Антигон Досон, Филипп V Македонский, Эллинская лига, македонское армейское собрание.

Внутриполитические смуты и кризис власти испытали многие государства древности. Македония в правление династий Аргеадов и Антигонидов не была исключением из этого правила. Но о волнениях, возникавших в Македонии, в источниках сохранились лишь незначительные упоминания. В то же время изучение подобных ситуаций представляется чрезвычайно важным не столько для выяснения вопроса о том, какие проблемы вызвали волнение населения (сведения источников не всегда позволяют сделать всесторонний анализ ситуации), сколько для ответа на вопрос, мог ли один из таких периодов кризиса власти в Македонии привести к реформе управления в государстве.

Поставленный вопрос затрагивает старую дискуссию о характере македонского государства. Существуют две основные точки зрения на структуру этого государства: согласно одной, в эллинистической Македонии была установлена конституционная форма правления, согласно другой – там господствовала монархическая автократия.

Первая версия была выдвинута в 1931 г. и поддерживается до настоящего времени: македонское государство еще до Филиппа II управлялось согласно установленным традициям или законам; со времен Гомера здесь правило много незначительных царей с относительно равной властью, постепенно государство превратилось в военизированное общество, в котором армия, состоящая из гражданского ополчения, поддер-

живала центральную власть в противовес влиянию знати [1, р. 374, 375, 391; 2, р. 45]. Армия на протяжении всей истории государства имела право выбирать царя (или регента) и судить обвиняемых в измене. Все сторонники конституционной формы настаивают на последних двух «правах» армейского собрания. Основная слабость этой позиции заключается в том, что большая часть свидетельств относится к правлению Александра Македонского. Наиболее твердым приверженцем этого направления является Николас Хэммонд, который представляет политическую структуру при Аргеадах в виде следующих органов – царь, совет и собрание, действующие на основании конституции или закона, регулирующего их отношения друг с другом [3, р. 382 ff.].

Второе направление в исследованиях существует с 1948 г. и тоже имеет много сторонников [1, р. 375]. Они считают, что монарх обладал высшей властью, а полномочия любого другого института, например армейского собрания, представлялись лишь по прихоти царя. Так, Р. Эррингтон полагает, что армейское собрание не имело никаких конституционных прав, но только до правления Филиппа II [4, р. 95]. Эдвард Энсон отрицает вероятность участия македонян в суде и управлении государством, признавая македонского монарха диктатором, на решения которого македоняне лишь в редком случае могли повлиять [5, р. 315–316]. Ю.Н. Кузьмин считает представление о реаль-

ном участии армейского собрания в управлении государством устаревшим [6, с. 284]. Критикуя сторонников точки зрения о конституционной форме правления представители этого направления указывают на создание оппонентами теоретической модели, при которой якобы македонские цари признавали права народа, но на практике не допускали к их осуществлению; на недопустимость использования в качестве доказательств свидетельств от времен Александра, а также на отсутствие надежного современного первоисточника [7, 8, 9, 10]. Но и у сторонников концепции авторитарной власти слабое место приводимых аргументов часто заключается в том, что они тоже используют свидетельства о периоде правления Александра III. Если действительно кажется, что Александр на Востоке обладал всей полнотой власти и армейский суд созывался лишь по прихоти царя, то следует помнить, что ситуация тогда была аномальной – армия находилась в походе далеко от Македонии и командующий не мог не иметь таких полномочий.

В целом институт царской власти – самое древнее и подтвержденное всеми источниками политическое учреждение Македонии. Однако нет точных свидетельств, как этот институт функционировал относительно других политических структур, установленных законом или традицией. Наряду с *basileus* (царь) со времен Филиппа II упоминаются *hetairoi* (компаньоны) или *philoí* (друзья), собрание армии, телохранители, «пажи», но свидетельств недостаточно, чтобы проследить происхождение этих учреждений, их эволюцию и полномочия, а также взаимодействие с царской властью [1, р. 374]. Есть даже версия, что в Македонии при Антигониде продолжали без изменений функционировать древние традиционные институты – царь, армейское собрание и совет, что якобы доказывает их пригодность для большого и густонаселенного государства [11, р. 192].

Существующие проблемы в изучении истории Македонии во многом связаны с состоянием источников. Ранняя история – легендарна; кроме того, источники, которыми мы располагаем, относятся к более позднему времени и написаны не македонцами. Даже о правлении Филиппа II и Александра Македонского хотя сохранилось гораздо больше свидетельств, но и они также являются немакедонскими и в значительной степени враждебными. Историю эллинистической Македонии третьего столетия до н.э. практически невозможно проследить по нарративной традиции, лишь последний период независимой Македонии нашел отражение, хотя и не вполне объективное, в трудах Полибия и Тита Ливия.

Однако в настоящее время мы знаем гораздо больше о структуре и учреждениях македонского царства, чем прежде, в значительной степени благодаря усилиям Мильтиадеса Хадзопулоса. Академические споры несколько поутихли после публикации его объемного труда о македонских учреждениях [12], но многие дискуссии так и не нашли своего завершения (например, продолжается обсуждение роли «царских пажей» при Аргеадах [13]). Его труд состоит из двух томов; первый том охватывает детальную реконструкцию внутренней структуры Македонии, исследуемой в значительной степени на эпиграфических свидетельствах, которые изданы во втором томе его труда. Из этих 93 надписей большая часть является царскими и гражданскими документами эллинистической эпохи. Взяв за основу римское урегулирование 167 г. до н.э., М. Хадзопулос использует эти данные для реконструкции более ранней эпохи.

Но здесь возникает другая проблема: до какой степени можно использовать материал позднего периода для реконструкции более ранних учреждений, функционировавших при династии Аргеадов? Имеющиеся в нашем распоряжении свидетельства позволяют четко отличать три периода в истории Македонии: 1) до Филиппа II (архаичный; политическая власть была сосредоточена в руках царя); 2) правление Филиппа и Александра Македонского (время перемен, изменения старых традиций и внедрения новых; возможно, именно Филипп II сформировал Совет как консультативный орган [1, р. 389], действовавший в правление Александра, а собрание в это время являлось противовесом возраставшему политическому влиянию компаньонов); 3) период правления династии Антигонидов.

Скептики, например Юджин Борза [14, р. 45], полагают, что не следует в реконструкциях заходить слишком далеко, а правление Александра Македонского вообще не стоит использовать при разборе аргументов, так как царствование Александра, с одной стороны, богато свидетельствами о «правах» македонцев, а с другой стороны, авторитарный стиль правления этого царя стал легендарным. Иными словами, если исследователь будет опираться главным образом на этот период македонской истории, то будет вынужден сделать «невероятный вывод, что конституционная форма македонской монархии была уничтожена абсолютизмом того самого правителя, правление которого лучше всего обеспечено свидетельствами существования такой формы правления» [2, р. 45]. Этот период правильнее считать «отклонением» в македонской истории, ведь царь возглавлял армию в походе и был оторван от «нормальной»

домашней ситуации. Придерживаясь такого же мнения относительно замечания о реконструкции истории, сосредоточим внимание на событиях, происходивших в Македонии в конце III в. до н.э. При этом отметим новые элементы и факторы, влиявшие в конце III в. до н.э. на политическую жизнь Македонии, и сконцентрируем внимание на нескольких свидетельствах о смутах в Македонском царстве в тот период. Новые факторы политической жизни Македонии, особенно появившиеся после кризиса власти, можно, с осторожностью, интерпретировать в пользу изменения характера македонской государственности, что, отчасти, могло произойти в результате реформ.

Говоря о новых элементах, во-первых, следует упомянуть полисы. Первый эксперимент с включением греческого города-государства в состав македонского царства провел Филипп II после завоевания Амфиополя (Diod. XVI. 8), который стал чем-то вроде модели для новых городов, основанных Филиппом на «новых территориях» царства [15, р. 417]. Новый тип городов интенсивно распространяется в Македонии после Александра. В источниках македонские города эллинистического времени обозначаются как πόλεις, а их жители – πολῖται. Но появление их не вписывалось в старую структуру государства. Даруя привилегии гражданам полисов, македонские цари были вынуждены в каждом конкретном случае разрабатывать новые положения, регулирующие их отношения с городами.

Следует также отметить, что эллинистической государственности в целом были присущи отдельные элементы, типичные для федеративного устройства государств [16, с. 68]. Естественно, возникает вопрос, какими соображениями руководствовались эллинистические цари, выстраивая систему управления, в которой державные принципы централизованного управления сочетались с федеративными элементами? Как верно отметил О.Ю. Климов, это управленческий реализм и прагматизм [16, с. 69]. Но в отличие от восточных эллинистических государств, где важную роль играли такие условия, как большая территория, сложный многонациональный состав населения и т.п., для македонской монархии после включения в состав царства греческих полисов сохранение за ними традиций самоуправления было вызвано политическими соображениями, этой мерой царь располагал к себе не только население завоеванного города, но и возможных сторонников в других городах, в частности в Балканской Греции. В сущности, к концу III в. до н.э. именно наличие полисов превращает структуру государства в гораздо более сложную систему,

чем требует государственность унитарного типа [16, р. 62].

Кроме того, лишь в период диадохов и эпигонов македонские города стали довольно многочисленными и процветающими и могли оказывать некоторое влияние на жизнь страны. На региональном уровне эпиграфические свидетельства времен Антигонидов дают наименования многих городских магистратов; хотя происхождение городов и местные традиции влияли на специфику органов власти, но в их положении было много общего [12, р. 157–165; 17, р. 229–238]. В эллинистическую эпоху македонские города обладали достаточно широкой автономией, в них наличествовали полисные органы самоуправления (народные собрания, советы, коллегии магистратов), города даровали гражданские права и проксению, а также признавали асилию (Syll³. 561, v. 1–8), но при этом граждане полисов были и подданными царей со всеми вытекающими отсюда правовыми последствиями [18, р. 240]. В III в. до н.э. в македонских городах проживало немало провинциальной знати, которая могла претендовать на участие в управлении государством. Так, в частности, письма Филиппа к городам, например к Берое в 214 г. до н.э. [19, App. 5], указывают, что должно было иметь место сотрудничество македонян с царем, принятие решений на региональных ассамблеях [12, р. 318]. Есть даже мнение, что в доримской Македонии существовала муниципальная организация, хотя эту точку зрения разделяют не все исследователи [11, р. 192]. Правильнее говорить, что Македонское государство эллинистической эпохи было сложным политическим и социальным организмом, сочетавшим монархические, полисные и даже федеративные (или – квазифедеративные) элементы [20], которые могли сложиться, в частности, и в результате проведенных царями реформ.

Во-вторых, на природу македонской государственности отчасти влияли события, происходившие в греческом мире. Греция, находившаяся в македонской сфере влияния, к началу 20-х гг. III в. до н.э. совместными усилиями Этолийского и Ахейского союза в ходе так называемой Деметриевой войны (239–229 гг.) была почти полностью освобождена от македонского господства. Македонский престиж стал настолько незначительным, что о доминирующей роли Македонии в греческом мире больше не вспоминали.

Но единение греков было временным. Ахейская и Этолийская лиги могли бы далеко продвинуться в деле объединения Греции, если бы они сотрудничали в течение длительного времени вместо того, чтобы враждовать друг с дру-

гом [21, p. 159]. Хотя цели союзников в существенных пунктах отличались, но достичь их можно было тогда лишь ценой заметного ослабления Македонии, и антимакедонский альянс был тем общим знаменателем, который соединял и сплачивал партнеров. Но как только угроза северного вмешательства была ликвидирована, на первый план вышли внутренние противоречия между имущими и неимущими слоями населения, усугубившиеся соперничеством государств за гегемонию и обращением за помощью к другим державам.

В 229 г. в Греции началась так называемая Клеоменова война между Ахейским союзом и Спартой, в ходе которой ахейцы были вынуждены обратиться за помощью к старому врагу – Македонии. Заключение в 224 г. союза (συνδικαλία: Polyb. IV. 9. 4; 15. 2; 16. 1; 23. 6; κοινὴ συνδικαλία: Polyb. IV. 9. 2; 24. 5; 24. 6; 29. 7; 55. 2.) между Македонией, Ахейской федерацией и рядом других государств [22, 23, 24] позволяло македонянам вновь утвердиться южнее Фермопил. Однако союз был заключен не под давлением Досона, царь не присваивал себе гегемонии. Досон воспользовался приглашением, но сам не проявлял инициативы расширения македонской власти в Греции, как считают некоторые исследователи [25, p. 152; 26, с. 27]. Хотя от соглашения наибольшие выгоды смог извлечь именно Досон, но нельзя говорить, что Антигон ясно представлял в 224 г., как далеко он продвинется в деле восстановления македонского контроля и какую степень контроля стоило вводить. Слишком категорично выглядит утверждение, что Ахайя стала зависимой от Македонии [27, с. 53]; Досон, в отличие от своих предшественников, предпочел не насаждать марионеточные режимы в греческих полисах, а приспособить федеративное движение к интересам Македонии [28, с. 120 слл.]. Это означает, что союз 224 г. явился компромиссом между македонским царем и греками. В изменившейся политической ситуации македонский царь был вынужден считаться с мнением союзников, тем более что у власти Антигонидов в Греции были конкуренты в лице других эллинистических монархов. Поэтому македонские правители Досон и его преемник Филипп V стремились действовать в Греции с максимальной осторожностью, не давая своим политическим противникам повода обвинить царей в агрессии.

В этом межгосударственном объединении македонцы должны были выглядеть союзником, подобным другим греческим государствам; однако в восприятии греков монархия являлась не просто устаревшим учреждением [29, p. 160], она ассоциировалась с безграничной властью

царя и отсутствием свободы. Столь предвзятое отношение греков к македонянам, вероятно, сгладилось к концу III в. до н.э. Существует мнение, что к этому времени македонская монархия испытала влияние федеративных идей, что нашло выражение в образовании «союза македонян», объединения, напоминающего греческий κοινόν [30, p. 138]. На такое объединение намекает надпись на статуе Филиппа V на Делосе (Syll³. 575). Впрочем, стоит отметить замечание М. Хадзопулоса, что термин «Τὸ κοινὸν Μακεδόνων» мог также означать сообщество македонян любого уровня – городов, областей, всего государства [12, p. 321], поэтому может не нести в себе информацию о реформе государственной системы или об эволюции государственных институтов.

Однако интерес в данном случае представляет не только сам термин, но и тот факт, что македоняне отдельно от царя были представлены в Эллинской лиге делегатами [31, p. 751; 32, p. 4–5, 264; 24, p. 351 f.; 3, p. 382], хотя в прежних греко-македонских объединениях 338-го и 302 гг. до н.э. [33, 34, 35, 36, 37, 38], по образцу которых была организована лига 224 г., Македония была представлена лишь царем. Так, одна из надписей (Syll³. 518) содержит имя Антигона, союзников и македонян: ...βασιλεὺς Ἀντίγονος βασιλέως Δημητρίου καὶ Μακεδόνες] καὶ οἱ σύμμαχοι... – хотя здесь конъектура «македонцы» является восстановлением. Посвящения македонян в Делосе и Самофракии более определены [12, App. 33, 34]. В делосском посвящении союз македонян упомянут отдельно от царя: Τὸ κοινὸν Μ[ακε]δόν[ων] βασιλέα Φί[λιππον βασιλέως] Δημητρίου... Посвящение из Самофракии также не дает двойных толкований: βασιλέα Φίλιππον βασιλέως Δημητρίου Μακεδόνες Θεοῖς Μεγάλοις. В договоре, заключенном в 215 г. между Филиппом V и Ганнибалом, македонцы упомянуты отдельно от царя (Polyb. VII. 9. 5 и 7). Естественно возникает вопрос: следует ли трактовать эти свидетельства как доказательство того, что македоняне оказывали какое-либо влияние на управление? Если да, то в какой форме: как армейское собрание или как представительный орган власти, подобный синедриону эллинистических федераций? К сожалению, определенного ответа дать нельзя. Допустимо лишь предположение, что упоминание македонян в официальных документах отдельно от царя отражает изменившуюся структуру власти в государстве, т.е. косвенно свидетельствует о произошедших в государстве переменах. Возможно, будет уместно назвать эти перемены реформой, наделившей местные собрания и со-

веты широкими полномочиями, что позволило македонянам действительно почувствовать себя второй, после царя и его администрации, ветвью власти.

Рассмотрим также свидетельства, которые упоминают «смутные времена» и одновременно отражают возросшее влияние македонской знати на царя в конце III в. до н.э.

В источниках есть туманные намеки на кризис власти в первые годы правления Антигона Досона. После смерти македонского царя Деметрия II его преемник сразу столкнулся с рядом проблем: защитой страны от племени дарданов (Just. XXVIII. 3. 14; Plut. Arat. 34. 7) и восстанием в Фессалии (Just. XXVIII. 3. 14). На наш взгляд, категоричным является мнение, что утверждение наследника престола было простым ритуалом, в котором участвовало население того города, где умер царь [5, p. 308]. После смерти Деметрия II при малолетнем Филиппе регентом был назначен Антигон Досон, позднее он стал царем Македонии. Закономерен вопрос: кто назначил Антигона регентом, а потом царем? На определение преемника обычно влияло три фактора: 1) македонский обычай; 2) желание предыдущего правителя и 3) желание македонцев [12, p. 281]. Возможно, в случае с Досоном был применен македонский обычай [4, p. 93–133]. Однако Плутарх упоминает назначение Антигона Досона регентом не общим собранием македонян, а первыми людьми государства (Plut. Aem. 8. 3): Антигон стал опекуном Филиппа и командующим армией. Когда Антигон Досон женился, знать поставила ему условие не иметь детей, чтобы не подвергать сомнению права Филиппа V на престол (Euseb. Chron. I. 237–238). В завещании Антигон, помимо указаний на будущее, представлял своего рода отчет македонянам в своем управлении (διαθήκη ἔγραφε Μακεδόσιν ὑπὲρ τῶν διακτιμέων – Polyb. IV. 87. 7).

М. Хадзопулос [12, p. 337 ff] полагает, что в правление Антигонидов царь не мог принять никакого главного решения до консультации с Советом. В ходе второй римско-македонской войны во время переговоров Филиппа V с Титом Квинкцием Фламинином царь довольно убедительно заявил, что должен сначала посоветоваться с советом, а затем представлять свои предложения. А римляне, хотя и подозревали македонского правителя в затягивании переговоров, признали за царем это право (Polyb. XVIII. 8. 1–3; ср. XVIII. 7. 3–8).

Приведенные выше свидетельства можно трактовать двояко: с одной стороны, возросшее влияние знати могло быть следствием проведенной реформы, но, с другой стороны, македонская

аристократия в прежние времена неоднократно предъявляла претензии на власть в периоды кризиса власти (можно вспомнить, как пример, события после смерти Александра Македонского, когда решался вопрос о преемнике царя).

Следствием кризиса власти в 229 г. до н.э. стало восстание в Фессалии, оно, видимо, отражает ослабление позиций Македонии на международной арене в правление Деметрия II. Учитывая усиление Этолийского союза, игравшего в конце III в. до н.э. одну из ведущих ролей в мировой политике и расширившего границы федерации до таких пределов, которых этот союз не знал ни до, ни после 229 г. до н.э. [39, с. 36], македонские правители смогли сохранить власть над Фессалией, лишь отказавшись от старых принципов управления. Иными словами, македонский правитель смог «реформировать» традиционный внешнеполитический курс государства.

Фактом является и то, что позднее следующий царь Македонии Филипп V не решался грубо проявлять свою власть даже в тех фессалийских полисах, которые находились под пристальным вниманием македонян. В этом отношении интересен декрет Лариссы в ответ на два письма Филиппа V, отправленных в 219-м и 214 гг. до н.э. (Syll.³ 543); этот эпиграфический материал обычно трактуется как свидетельство того, что македонские цари управляли фессалийцами как подданными (см., например, Polyb. IV. 76. 1–2; ср. Liv. XXXII. 10. 7). Однако самостоятельные действия лариссян и увещания царя вместо открытого давления или прямого вмешательства свидетельствуют об отказе македонян от грубых методов управления в пользу союзных отношений. При этом поведение граждан говорит о том, что сами фессалийцы осознавали наступившие перемены [40, с. 229]. Изменившееся отношение царей к Фессалии примечательно в том аспекте, что позволяет взглянуть на македонских правителей как на гибких политиков, склонных к компромиссу ради сохранения своих позиций. Поэтому допустимо предположение, что подобные уступки могли иметь место и в Македонии в случае возникновения аналогичной ситуации.

Когда трон занял Филипп V, он столкнулся с интригами знати в разгар военных действий. В Греции в 220–217 гг. до н.э. шла так называемая Союзническая война [41], после удачной кампании 218 г. до н.э. у царя были основания надеяться на скорое заключение мира. Однако этолийцы медлили. В. Тарн видит причину такого поведения этолийцев в разорении Ферма, сделавшем примирение невозможным [31, p. 767]. Полибий говорит (V. 29. 3), что этолий-

цы затягивали начало переговоров, выжидая исхода смуты при македонском дворе, где в придворные интриги были вовлечены даже пельтасты [3, р. 334; 24, р. 385]. Хотя волнения были подавлены Филиппом весьма жестко, время для заключения мира было упущено. Позиции Филиппа в глазах противника были подорваны этим мятежом. Несмотря на спешно принятые меры, последствия конфликта для исхода войны были неутешительными. Этолийцы, имея в своем распоряжении полученное от Филиппа месячное перемирие, пристально наблюдали за возникшими у царя проблемами и собирали силы для новых сражений. Рационально используя предоставленное им время и восприняв заговор македонской знати как проявление зародившегося раскола в рядах противника, они по истечении данного им срока оправались от деморализовавшего их шока после разгрома Ферма. Царю не осталось ничего другого, как вернуться с войском домой на зимние квартиры.

Этот мятеж 218 г. до н.э. известен как «заговор Апеллеса». Еще перед смертью Досон назначил в помощь Филиппу пять человек: Апеллеса – главу совета регентов, Леонтия – начальника пельтастов, Мегалея – заведующего царской канцелярией, Тавриона – царского уполномоченного в Пелопоннесе и Александра – начальника дворцовой стражи (Polyb. IV. 87. 8). Они считались его опекунами, а по достижении им восемнадцатилетия в 220 г. остались на положении советников [24, р. 371]. Оставив в стороне сам заговор, в котором много спорных моментов, отметим несколько фактов.

В ближайшем окружении царя сложились две конкурирующие группы, претендовавшие на формирование македонской политики. Таврион и Александр отличались преданностью и лояльностью царю, разделяя политические замыслы Филиппа. Апеллес попытался сместить Тавриона с должности уполномоченного по делам Пелопоннеса и отобрать у Александра командование личной охраной царя (Polyb. IV. 87. 1–5). В случае успешной реализации этого замысла совет, назначенный еще Антигоном Досоном, перестал бы существовать, вся власть сконцентрировалась бы в руках одного Апеллеса.

В конце военного сезона 218 г. Мегалей и Леонтий, находившиеся в сговоре с Апеллесом, даже попытались поднять бунт элитных частей македонской армии, они подстрекали пельтастов и агему заявлениями о неправильном распределении добычи среди воинов. Раздраженные подобными речами солдаты в Коринфе стали грабить палатки царских друзей и даже ворвались в царский дворец (Polyb. V. 25. 1–3). Филипп спешно прибыл в город, собрал маке-

донян в театре, обратился к ним с увещаниями и угрозами. Примирение было достигнуто (Polyb. V. 25. 4–7), репрессий не последовало.

В нашем распоряжении есть косвенное упоминание о судебной функции армейского собрания у Полибия в связи с этим заговором знати. Историк говорит, что в Деметриаде Филипп провел следствие над одним из заподозренных в соучастии в заговоре «в присутствии македонян» и казнил его (*κρίνας ἐν τοῖς Μακεδόσιν ἀπέκτεινε* – Polyb. V. 29. 6). Остальные заговорщики окончили жизнь самоубийством [24, р. 382. п. 4; 42, р. 35]. Стоит отметить, что и в деле Леонтия пельтасты не выражали никаких сомнений в необходимости суда над своим командиром, но они пытались оказать давление на царя, чтобы он отложил суд до их возвращения (Polyb. V. 26. 5). Таким образом, армейское собрание в III в. до н.э. принимало участие в суде, но правитель не имел желания предоставлять им это право.

Стоит отметить и тот факт, что царь хотел избавиться от любого давления на свои поступки. Но влияние придворных советников было весьма сильным, и царь не мог с этим фактом не считаться. Чтобы их нейтрализовать, Филипп прибег к обвинению в государственной измене (Polyb. V. 26. 10–28. 9). Таким образом, попытка ограничения власти царя привела к физическому устранению «заговорщиков» в 218 г. до н.э.

Об отношении к царской власти простого населения известно мало. Справившись с первыми трудностями, Антигон Досон принял титул царя; возможно, он стал царем после Карийского похода [24, р. 344]. Как следует из свидетельства Юстина, следствием принятия царского титула стал мятеж в армии. По словам Юстина (XXVIII. 3. 10–16), когда Антигон был осажден во дворце восставшими, он вышел к ним без телохранителей, бросил в толпу диадему и заявил, что мятежники могут найти другого царя, «над которым они будут властвовать». Этот пассаж можно интерпретировать не только как возмущение солдат поступком Антигона, занявшего трон, который по праву принадлежал сыну Деметрия II Филиппу, но, что более вероятно, негодование вызвал сам факт провозглашения его царем без одобрения армейского собрания.

Есть также упоминание о волнениях в стране в 209 г. до н.э. Филипп тогда находился в Греции, ведя войну против римлян и этолийцев (первая римско-македонская война). К нему прибыл гонец из Македонии с известием, что в Иллирии началось восстание. Филипп из Дим за десять дней достиг Деметриады (Liv. XXVII. 32. 9–11). Там его ожидало сообщение, что смута охватила уже Македонию, вероятно, после слу-

хов о гибели царя под Сикионом (Liv. XXVII. 33.1). Примечательно, что Ливий говорит о некоем этолийце, который подобрал отломившийся с царского шлема рог в столкновении у Сикиона и принес его в Этолию к Скердилаиду, а тот узнал украшение, отсюда и пошла молва о смерти Филиппа (Liv. XXVII. 33. 2–3).

Предложенная версия напоминает, как зародились слухи о гибели Александра Македонского, которые привели к восстанию Фив (Agr. I. 7. 2–3; Just. XI. 2. 8–9). Вполне вероятно, этолийцы помнили об этой истории. Допустимо предположение, что слух намеренно был инициирован ими с целью отвлечь македонского царя от греческого театра военных действий. Действительно, Филипп не мог оставаться безучастным к восстанию, угрожавшему его собственной власти. Ливий не сообщает, как было подавлено восстание. Возможно, стремительное возвращение царя положило конец смуте, а дарданы сочли за лучшее отступить.

Рассмотренные свидетельства позволяют отметить следующее: в последней четверти III в. до н.э. три внутривосточные смуты в Македонии зафиксированы источниками. При этом события 209 г. слишком неопределенны, чтобы делать какие-либо выводы, но в двух случаях – в правление Досона и во время Союзнической войны – можно отметить резко и опасно возросшее влияние придворной аристократии. В связи с этим вернемся к основному вопросу статьи – допустимо ли говорить о проведении реформы управления как следствии этих кризисов?

Реформа управления могла быть следствием объективного процесса: но, к сожалению, все рассмотренные свидетельства следует признать лишь косвенными. Трудно сказать, до какой степени традиционные учреждения были изменены, или какие новые учреждения возникли как результат влияния греческих лиг, других эллинистических царств и появление на международной арене Рима [14, p. 77]. Тем не менее, если влияние знати при дворе было столь велико, что придворные провозгласили Досона царем без соблюдения обычной процедуры, выдвигали ему условия при заключении брака, саботировали решения молодого царя Филиппа V в военное время, то логично предположить, что македонский царь (как Досон, так и Филипп V) должен был искать опору в другом социальном слое. Такой опорой царю могла стать местная знать. Если допустить, что реформа была проведена, то она была направлена на расширение полномочий региональных советов и собраний.

Однако рассуждения о том, имела ли место реформа управления или нет, должны быть подкреплены выяснением еще одного вопроса:

в какой период эти преобразования могли быть проведены. Реформа могла произойти только после смерти Александра Македонского, так как сам Александр не сделал ничего, чтобы превратить Македонию в «конституционную» монархию [43, p. 219–220]. Напротив, Александр в ходе похода проводил преобразования, но он взял за образец восточный вариант монархии. Именно предпринятые царем изменения вызвали оппозицию аристократии и серию заговоров.

Едва ли такие преобразования могли иметь место в период правления Антигона Гоната. Хотя этот царь проводил реформы, но они были социально-экономического характера; кроме того, это был не тот правитель, который «играл в демократию».

Изменения в системе управления, конечно, могли произойти в связи с основанием Эллинской лиги 224 г. до н.э. Однако это предположение противоречит сложившейся к последней четверти III в. до н.э. обстановке в Македонии. К этому времени македонский царь Антигон Досон расправился с внешними врагами, попытался совершить морской поход в Карию, что свидетельствует о заинтересованности царя в расширении сферы влияния на Восток. Его положение в государстве было стабильно. Трудно представить, что в ходе начавшихся переговоров о заключении союза с Ахейской федерацией царь решил провести реформу управления в Македонии, чтобы вызвать благосклонность греков. Во-первых, ахейцы остро нуждались в помощи и готовы были принять ее даже от бывшего врага – Македонии. Тот факт, что Досон потребовал Акрокоринф (Polyb. II. 51. 4 sqq.), свидетельствует об уровне притязаний македонян: царь придерживался того же курса в отношении греков, что и его предшественники. Во-вторых, реформа в тот момент вызвала бы нежелательное представление у греков о слабости царской власти в Македонии. А этого царь не мог допустить.

Единственный период, в который реформа могла иметь место, это начало правления Антигона Досона. Хотя Антигон и расправился с зачинщиками мятежа (Just. XXVIII. 3. 16), но вполне вероятно, преодолеть этот политический кризис новый царь смог, пойдя на уступки. Но в этом случае удивительно, что в источниках, относящихся к правлению Филиппа V, нет никаких прямых указаний на недавно проведенные преобразования. Объяснение этому противоречию может быть следующим: поскольку прямых указаний в источниках на проведение каким-либо царем на протяжении III в. до н.э. реформы управления в Македонии нет, но есть косвенные указания на изменения в политиче-

ской жизни Македонии – возросшее число полисов, позиция местной и придворной знати, влияние греческих традиций, а также кризис власти, имевший место в начале правления Досона, то, возможно, имела место не крупная реформа, кардинально изменившая управление государством, а была издана серия указов, предоставлявших местным собраниям и советам широкую автономию.

Список литературы

1. King C.J. Macedonian Kingship and Other Political Institutions // A Companion to Ancient Macedonia. Ed. by J. Roisman and I. Worthington. Oxford: Blackwell Publishing, 2010. P. 373–391.
2. Hammond N.G. The Macedonian Imprint on the Hellenistic World // Hellenistic History and Culture. Berkeley: University of California Press, 1993. Режим доступа: <http://ark.cdlib.org/ark:/13030/ft0000035f/>
3. Hammond N.G. The Macedonian State. Origins, institutions and history. Oxford: Clarendon Press, 1989. 402 p.
4. Errington R.M. The Nature of the Macedonian State under Monarchy // Chiron. Bd. 8. 1978. P. 77–133.
5. Anson E.M. Macedonia's Alleged Constitutionalism // The Classical Journal. V. 80. 4. 1985. P. 303–316.
6. Кузьмин Ю.Н. Политическая и социальная организация Берои и македонские города эллинистической эпохи // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 12. СПб., 2013. С. 266–287.
7. Errington R.M. Macedonian «Royal Style» and its Historical Significance // JHS. Vol. 94. 1974. P. 20–37.
8. Errington R.M. The Historiographical Origins of Macedonian «Staatsrecht» // Ancient Macedonia, III. 1983. P. 89–101.
9. Lock R. The Macedonian Army Assembly in the Time of Alexander the Great // Classical Philology. Vol. 72. 1977. P. 91–107.
10. Anson E.M. The Evolution of the Macedonian Army Assembly // Historia. Bd. 40. 1991. P. 230–247.
11. Ma J. Kings // A Companion to the Hellenistic World. Ed. by A. Erskine. Oxford: Blackwell Publishing, 2005. P. 177–195.
12. Hatzopoulos M.B. Macedonian Institutions under the Kings. Vol. 1: a historical and epigraphic study. МΕΛΕΤΗΜΑΤΑ 22. Athens, 1996. 520 p. V. 2: epigraphic appendix. МΕΛΕΤΗΜΑΤΑ 22. Athens, 1996. 154 p.
13. Carney E.D. The Role of the *Basilikoi Paidai* at the Argead Court // Macedonian Legacies. Studies in Ancient Macedonian History and Culture in honor of Eugene N. Borsari. Ed. by T. Howe, J. Reames. Claremont: Regina Books, 2008. P. 145–164.
14. Borza E.N. Before Alexander: constructing early Macedonia. Claremont, California: Regina Books, 1999. 89 p.
15. Koukouli-Chrysanthaki Ch. Amphipolis // Brill's Companion to Ancient Macedonia: Studies in the Archaeology and History of Macedonia, 650 BC–300 AD / Ed. by Robin J. Lane Fox. Leiden – Boston, 2011. P. 409–436.
16. Климов О.Ю. Эллинистическое государство как пример квазифедеративного объединения // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира / Под ред. Э.Д. Фролова. Вып. 7. СПб., 2008. С. 59–70.
17. Errington R.M. A history of Macedonia. Berkeley – Los Angeles – Oxford: University of California Press, 1990. x, 320 p.
18. Hatzopoulos M.B. The Cities // Brill's Companion to Ancient Macedonia: Studies in the Archaeology and History of Macedonia, 650 BC–300 AD / Ed. by Robin J. Lane Fox. Leiden–Boston, 2011. P. 235–241.
19. Hatzopoulos M.B. L'organisation de l'armée macédonienne sous les Antigonides: problèmes anciens et documents nouveaux. МΕΛΕΤΗΜΑΤΑ 30. Athènes, 2001. 182 p.
20. Кузьмин Ю.Н. Ф.У. Уолбанк и проблемы государственности Македонии в эпоху эллинизма // Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Фрэнка Уильяма Уолбанка (Казань, 9–11 декабря 2009 г.) / Отв. ред. О.Л. Габелко. Казань, 2009. С. 21–29.
21. Larsen J. A. O. Federation for Peace in Ancient Greece // Classical Philology. V. 39. 1944. P. 145–162.
22. Самохина Г.С. Панэллинская идея в политике Македонии конца III в. до н.э. // Социальная структура и политическая организация античного общества. Л.: ЛГУ, 1982. С. 104–119.
23. Larsen J.A.O. Greek Federal States. Their Institutions and History. Oxford: Clarendon Press, 1968. 540 p.
24. Hammond N.G., Walbank F.W. A history of Macedonia. V. 3. Oxford: Clarendon Press, 1988. 627 p.
25. Briscoe J. The Antigonids and the Greek states, 276–196 B.C. // Imperialism in the Ancient World. Cambridge: Cambridge University Press, 1978. P. 145–157.
26. Жигунин В.Д. Международная политика эллинистических государств (280–220 гг. до н.э.): Автореф. дисс... док. ист. наук: 07.00.03. М., 1989. 32 с.
27. Беликов А.П. Рим и эллинизм: проблемы политических, экономических и культурных контактов. Ставрополь: Изд-во Ставроп. ун-та, 2003. 403 с.
28. Сизов С.К. Ахейский союз. М.: Прометей, 1989. 172 с.
29. Carney E.D. «What's in a Name?»: The Emergence of a Title for Royal Women in the Hellenistic Period // Women's history and ancient history / Ed. by Pomeroy S.B. Chapel Hill–L.: The University of North Carolina Press, 1991. P. 154–172.
30. Fine J. The Antigonids // The Greek Political Experience; Studies in Honor of William Kelly Prentice. N.Y.: Russel, 1969. P. 125–146.
31. Tarn W.W. The Greek Leagues and Macedonia // САН. V. 7. 1928. P. 732–768.
32. Walbank F.W. Philip V of Macedonia. 2-nd ed. Cambridge: Archon Books, 1967. xii, 387 p.
33. Hammond N.G., Griffith G.T. A history of Macedonia. V. 2. Oxford: Clarendon Press, 1979. 755 p.
34. Jehne M. Koine Eirene: Untersuchungen zu den Befriedungs- und Stabilisierungsbemühungen in der griechischen Poliswelt des 4. Jahrhunderts v. Chr. Stuttgart: Steiner, 1994. 320 p.

35. Larsen J.A.O. Representative government in Greek and Roman history. Berkeley–Los Angeles: University of California Press, 1956. 249 p.
36. Perlman S. Greek diplomatic tradition and the Corinthian league of Philip of Makedon // *Historia*. Bd. 34. 1985. P. 153–174.
37. Ryder T.T.B. Koine Eirene. General Peace and Local Independence in Ancient Greece. Oxford: Oxford University Press, 1965. xvii, 184 p.
38. Billows R.A. Antigonos the One-Eyed and the Creation of the Hellenistic State. Berkeley – Los Angeles – London: University of California Press, 1990. xix, 515 p.
39. Сизов С.К. Федеративное государство эллинистической Греции: Этолийский союз. Н. Новгород: ННГУ, 1990. 80 с.
40. Сивкина Н.Ю. Ларисса и Филипп V: к вопросу о македонском контроле над Фессалией в конце III в. до н.э. // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. Вып. 2 (1). 2011. С. 224–230.
41. Сивкина Н.Ю. Последний конфликт в независимой Греции: Союзническая война 220–217 гг. до н.э. СПб.: Гуманитарная академия, 2007. 384 с.
42. Errington R.M. Philip V, Aratus and the «Conspiracy of Apelles» // *Historia*. Bd. XVI. Hft. 1. 1967. P. 19–36.
43. Welles C.B. Alexander's Historical Achievement // *Greece & Rome*. 2nd Ser. V. 12. №. 2. 1965. P. 216–228.

ON THE ISSUE OF THE MACEDONIAN GOVERNANCE REFORM IN THE THIRD CENTURY B.C.

N.Yu. Sivkina

The article analyzes the features of the relationships between the King of Macedonia, the Council and the Army Assembly in the times of crisis in the later 3rd century B.C. The author concludes that changes in the political life of Macedonia, such as an increasing number of cities, the altitudes of the provincial nobility, the influence of Greek traditions, demanded a governmental reform. However, such a reform could only result from a crisis of power. Thus, the early years of the reign of Antigonos Doson are the most likely date of the reforms.

Keywords: Hellenistic Macedonia, Antigonos Doson, Phillip V of Macedon, Hellenic league, Macedonian Army Assembly.